

жище», «Дом», «Газ», «На погост завернула дорога», «Это смерть колотит костью»).

Языковым выражением личностного отношения к Родине являются многочисленные эпитеты и метафоры. Родина Кедрина – «милая», край, «милый навеки», край, «дороже всех заморских сказочных земель», в ней даже воздух *ласкающий*, это «наша первая в жизни любовь».

В рукописях так и не изданных книг «День гнева» и «Русские стихи», наряду с «большой родиной», появляются и упоминания «малой Родины» – «родного края», топонимы, связанные с военной географией и хронологией («Днепропетровский», «Октябрьская битва», «Полустанок», «Станция Зима», «Пленные» и др.), конкретные приметы и детали военной поры.

Выводы.

Таким образом, в военной лирике Кедрина актуализированы все уровни концепта Родина – понятийный, содержащий образы «большой» и «малой» Родины-России и «малой», аксиологический и эмоциональный, связанный с личностным отношением к изображаемому, которое поэтически точно воплощено в финальных строках стихотворения «Красота», написанного в тяжелом сорок втором году:

Я теперь понимаю, что вся красота –
Только луч того солнца, чье имя – Россия!
[7, с. 25].

Литература

1. Багичева, Н. В. Россия – мать или мачеха? (метафорическое моделирование образа Родины) / Н. В. Багичева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 5. – Екатеринбург, 2000.
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.
3. Воркачев, С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2008.
4. Воркачев, С. Г. Слово «Родина»: значимость составляющая лингвоконцепта // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2007. – URL: <http://lse2010.narod.ru/index/0-187> (дата обращения 12.01.2015).
5. Есмурзаева, Ж. Б. Культурная доминанта РОДИНА в ценностной картине мира / Ж. Б. Есмурзаева // Сборник материалов к международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. (К юбилею Рины Ахметовны Рияновой). – Омск, 2010. – С. 68–72.
6. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М., 2005. – С. 239–246.
7. Кедрин, Д. Б. Дума о России / Д. Б. Кедрин. – М., 1990.
8. Кедрин, Д. Б. Избранное / Д. Б. Кедрин. – Уфа, 1975.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1997.
10. Петрунин, Ю. Замыслы и свершения / Ю. Петрунин // Кедрин Д. Дума о России. – М., 1990. – С. 5–22.
11. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / [Ю. Н. Караулов и др.]. Т. 1. – М., 2002.
12. Сandomirska, I. РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ОТЧИЗНА в дискурсивных практиках современного русского языка. Опыт анализа культурной идиомы / И. Сandomirska // Etnolingwistyka 11. Lublin, 1999. – S. 51–68.
13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. – М., 1981.
14. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
15. Телия, В. Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина / В. Н. Телия // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М., 2001. – С. 409–418.
16. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д. Н. Ушаков. Т. 3. – М., 2000.

УДК 81 374

Н. П. Тихомирова, Т. А. Воробьева
Череповецкий государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В БЕЛОЗЕРСКИХ ГОВОРАХ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 14-14-35001a(p)
«Словарь западных говоров Вологодской области»*

В статье на материале разных тематических групп рассматриваются типы синонимов, функционирующие в белозерских говорах, устанавливаются источники синонимии, как-то: лексическая система древнерусского языка, система литературного языка, язык фольклора, лексическая система самого говора, иноязычные системы.

Диалектная лексика, парадигматические структурно-семантические связи слов в говоре, типы синонимов, синонимический ряд, сема, тематическая группа, номинация, средства номинации, мотивировочный признак.

The paper considers the types of synonyms functioning in Belozersk dialect on the material of different lexical sets. The authors determined the sources of synonyms. They are lexical system of the Old Russian language, the system of the literary language, folklore language, lexical system of the dialect, foreign systems.

Dialect lexicon, paradigmatic structural and semantic relationships of the words in dialect, types of synonyms, synonymic row, seme, lexical set, nomination, means of nomination, motivational sign.

Введение.

Исследователи отмечают, что «из всех видов междусловных отношений в говорах русского языка наибольшее внимание было уделено синонимии» [1, с. 153]. Проблемы синонимии рассматриваются в работах таких диалектологов, как: О. И. Загоровская, Т. С. Коготкова, О. И. Блинова, Л. И. Баранникова, Т. А. Пецкая, О. Г. Борисова и др.

В статье на материале нескольких тематических групп рассмотрены синонимы, зафиксированные в белозерских говорах (западные районы Вологодской области). Эти синонимы могут быть отнесены к так называемым «однодиалектным» в силу исторического развития Белозерского региона.

Основная часть.

В белозерских говорах представлены различные типы синонимов: семантические, эмоционально-экспрессивные, экспрессивно-семантические. К семантическим синонимам относятся лексические единицы, которые различаются оттенками общего для них значения. Такие типы синонимов мы можем встретить в разных тематических группах. Так, в тематической группе «Метеорологическая лексика» к подобным синонимам можно отнести синонимический ряд **буй – тороп** (ветер). Эти слова имеют общую сему «сильный», тороп включает в свою семантическую структуру еще и дифференциальную сему «порывистый», а хиз – сему «сквозной»: *Вчера буй был, так деревья к земле гнулись. Чер.; Порывистый ветер торопом зовут. Кирил.; Сильно тороп зарвал, как бы крышу не снес. Выт.; Такой тороп расходился, что деревья валил. Ваик.* К семантическим синонимам можно отнести и следующие слова этой же тематической группы: **голомерзко – жестко – замётно** (морозно). Общей в этом ряду будет сема «морозно» (жестко), дифференциальными – «со снегом» (замётно), «без снега» (голомерзко): *Зимой всегда жестко. Уст.; Сегодня на улице замётно, снег. Шексн.; Стало очень голомерзко, Чер.* Платье в белозерских говорах называют **надёвой**: *Надёвы покупные мало у кого были. Чер., капотом: Летом часто носили капоты. Чер., обверняйкой: В какую обверняйку нарядилась. Ваик.* Надёва – это просто «платье», капот – «легкое без рукавов платье с полукруглым вырезом», обверняйка – «узкое платье». Обилие дифференциальных сем, создающих семантические различия, делают эти слова семантически синонимами. В белозерских говорах отмечены и эмоционально-экспрессивные синонимы, дающие различную эмоционально-оценочную характеристику обозначаемому предмету или лицу. Например, синонимический ряд с общим значением «название горбатого человека»: **горбун – горбач – горбатик**. Слово «горбун» можно оценить как нейтральное, «горбач» – как слово, включающее сему пейоративной оценки «неодобрение, презрение», «горбатик» – сему мелиоративной оценки «ласкательность» [2]. К экспрессивно-семантическим синонимам в тематической группе «Метеорологическая лексика» относятся слова **хиз** / *У поезда такой хиз бывает – ветер такой сквозной. Чер./* и **враг** / *Такой враг дует, что и*

выйти нельзя. Чаг./ Интегральной для обоих слов является сема «сильный», но слово «хиз» имеет еще и дифференциальную сему – «насквозь продувающий». Экспрессивно-семантическими эти синонимы делает разница в эмоциональной окраске этих лексических единиц. Метоним «враг» имеет ярко выраженную пейоративную оценку. Широко представлены экспрессивно-семантические синонимы в тематической группе «Названия человека». Так, синонимический ряд «человек с некрасивой внешностью» включает две лексические единицы – **калабашка** и **корёжка**. Обе они содержат интегральную сему «некрасивый» (о человеке). Лексема «калабашка» характеризуется наличием дифференциальной семы «нескладная», которая обращает внимание на телосложение человека /*У них в семье все дочери как на подбор, статные и красивые, одна Катюха – калабашка: ни ростом, ни лицом не вышла, в плечах широкая – вся в деда Митю. Чер./* В семантической структуре слова «корёжка» отмечена только сема «некрасивая» /*Глафира Иринева сроду на беседу не ходила, куды ей эдакой корёжке, уж несглядная дак несглядная. Кирил./* Оба слова включают в семантическую структуру сему пейоративной оценки «неодобрение, пренебрежение». Кроме того, в белозерских говорах, как и в любых других, встречается так называемые «диалектно-литературные дублеты» [3, с. 110], например, в группе «Названия кушаний» – **оладья** и **глупыш** /*Теперь оладьи, а раньше глупышами звали. Выт./* **опеканик** и **лепешка** /*До войны только так и называли, опеканик так значит лепешка и есть. Кад./*

Одним из вопросов, решаемых диалектологами, является вопрос об источниках диалектной синонимии. В качестве таких источников указываются следующие: лексическая система древнерусского языка, система литературного языка, язык фольклора, лексическая система самого говора, иноязычные системы, лексическая система материнского говора (для говоров территории позднего заселения). Анализ синонимов, обнаруженных в белозерских говорах, показал наличие этих источников, за исключением последнего.

По мнению исследователей, одним из самых естественных источников синонимии диалекта является лексическая система древнерусского языка [1]. В наших материалах примером могут служить следующие синонимические ряды: **пища – ества; платье – ферязь**. В Белозерском районе записано слово ества /*Пища дак это ества/*. Древнерусское Ёства – «еда» [8, 3, с. 1623]. Слово ферязь сохранилось в белозерских говорах /*Платье раньше ферязью звали. Уст./*, но изменило свое значение. В Древней Руси ферязью называли «верхнюю комнатную одежду без перехвата и воротника, с длинными суживающимися к запястьям рукавами» [8, 3, с. 1354].

Значимым источником синонимии диалекта является система литературного языка, сосуществующая с системой говора и взаимодействующая с ней. Проникновение литературной лексики в систему говора – процесс непрерывный, и причин тому много как экстралингвистических, так и собственно лин-

гвистических. При столкновении в говоре диалектного и литературного слова последнее выступает также полноправным членом диалекта, может развиваться или не развивать дополнительные оттенки значения. Например, синонимами являются слова **ветошь** – «изношенная, негодная от длительного употребления одежда» и **труньё** – «ветхая, рваная одежда» /Сними труньё-то рваное, не стыдно тебе людей-то добрых/. Слово «ветошь» отмечено в литературном языке: «ветхое, изношенное платье; тряпье» [7, 1, с. 158]. Слово «труньё» имеет дополнительную сему «рваный». В систему белозерских говоров из литературного языка пришло достаточно большое количество слов, вступающих в синонимические отношения со словами диалекта. Мы отмечаем это явление в разных тематических группах. Например, **крапива** /Крапива у забора растет. Ваик./ – **строкива** /Из строкивы в войну-то мы суп варили. Чаг./ – **жигало** /Жигало растет, не пройдешь. Уст./; **голубика** – **голубица** /Голубицы-то в лесу. Бел., Кирил./ – **гоноболь** /В лесу много гоноболя. Баб., Кад., Уст./ («Названия растений»); **каравай** /Не с чем, так каравай испек. Шексн.; Вот напечен каравай, дома пекли такие круглые, как решето все равно што, пожалуй, что больше, то лучше. Ваик./ – **мякушка (мякошка)** /Что каравай, что мякушка, дак все одно. Кирил.; Хоть каравай, хоть буханка, хоть мякошка – се одно самое. Раньше мы их по одиннадцать в печь клали. Выт.; Мякушка – хлеб мягкий, круглый, в печке пекут. Бел./ с общим значением «круглый хлеб» («Печеные изделия»); **форсун** /Форсун какой идет. Ваик./ – **мастрыга** /Саика-то какая у нас нынче мастрыга Баб./ с общим значением «нарядно одетый человек» («Названия человека»); разъяснетсья /Это сейчас тучи, скоро разъяснетсья. Кад./ – развёдритьсья /На улице заводится светло, так, может, развёдритьсья, Выт.; За окошком развёдриваетсья. Уст./ («Метеорологическая лексика»). «Проникновение литературной лексики в лексическую систему говора в современных условиях протекает непрерывно, и в какой-то период времени одна и та же реалья одновременно обозначается и исконно диалектным словом, и заимствованным словом литературного языка» [5, с. 55]. Такие двойные наименования реалий мы наблюдаем и в белозерских говорах: **река** – **дунай** /Вот недалеко течет дунай, река это Кенза. Бел./, **тропинка** – **глобка** /Иди по глобке, не собьёшьсья, вон глобка, у коров хождено, говорят глобка и тропинка, только тропинка чаще. Уст.; Тропинка глобкой называется. Кад./, **порог** – **падун** /Порог – это падун, с скал вода бежит, Баб./.

Со временем в говорах наблюдается стремление дифференцировать лексические единицы, вступившие в синонимические отношения в семантико-стилистическом аспекте. Так, в белозерских говорах существуют два слова с общим значением «углубление со скопившейся водой»: **лужа** (литературное) и **ляга** «большая лужа» /А вот на дороге-то большие лужи, то вот скажут ляга. Ваик.; Большую лужу лягой зовём. Выт./.

Лексика диалекта может пополняться и за счет иноязычных и инодиалектных заимствований. В этом смысле белозерские говоры не стали исключением. Например, из трех слов, входящих в синонимический ряд **плавь** /Ты осторожно по болоту-то ходи, не попади в плави. Чер./ – **ляга** /Ляга – это топкие места такие. Баб./ – **лыва** /Посреди болота эта лыва, идёшь, качается. Баб./ с общим значением «топкое место на болоте», последнее имеет финно-угорское происхождение. По всей видимости, оно было усвоено славянами из языка вепсов – аборигенов Белозерского края: ср. карельское *liiva* «ил, тина» [9, 2, с. 539]. Инодиалектное происхождение имеют синонимы **чища** /Помощь – это когда робята дрова рубят, чищи чистят под покос. Кад./ и **дор** /Ей-от, дочке, в тот дор косить ходить надо. Шексн./ с общим значением «участок леса, расчищенный под покос, пашню». По мнению Ю. И. Чайкиной, слово «чища» проникло в словарный состав белозерских говоров из новгородского диалекта, а лексема «дор» занесена на территорию Белозерья выходцами из пределов Ростово-Суздальского княжества [10].

Еще одним источником синонимии является фольклор. «Взаимопроникновение синонимических средств, которыми так богаты обе языковые формы – явление вполне естественное и органичное» [1, с. 159]. Примером в наших материалах может служить синонимический ряд **желадышек** /Светка, желадышек ты мой. Уст./ – **забава** /Не знаю я сказала ли забаве до свиданья. Баб./ – **милаша** /Все милаши, да не наши, наши в городе живут. Бел./ с общим значением «милый, любимый человек».

Одним из основных источников возникновения синонимии диалекта, по мнению исследователей, является лексическая система самого диалекта. Явления, предметы действительности характеризуются целым рядом отличительных признаков. Таким образом, в основу номинации одного и того же предмета могут лечь разные мотивировочные признаки, что обуславливает возникновение в говоре разнокорневых синонимов. Можно наблюдать такие ряды синонимов в различных тематических группах.

Так, в ТГ «Названия одежды» в синонимические отношения вступают слова **ватник** /Надень ватник, теплее будет. Чер./ и **телогрейка** /Одел телогрейку. Бел./.

Для первого слова мотивировочным признаком является качественный (материал), для второго – функциональный (свойство). Домашнее платье в белозерских говорах называют **будник** /На будниках не было никаких украсов. Чер./ и **домашник** /Одень домашник, да и стряпай. Бел./.

В первом случае мотивировочным является темпоральный признак, актуализирующий сему «время», во втором – локативный (место). В синонимический ряд со значением «название холщового сарафана» входят два: **холстовник** /Холстовники шили из домашнего холста. Чер./ и **красильник** /Красильник прост, да в дому красив. Бел./.

В обоих случаях отмечается один мотивировочный признак – качественный: материал, из которого изготовлен сарафан, но в первом случае это холст, во втором – крашеный холст.

В группе «Названия растений» в синонимические отношения вступают слова **голубика** и **гоноболь**. В основе разные мотивировочные признаки: в одном случае качественный (цвет), в другом – функциональный, указывающий на назначение. М. Фасмер отмечает: «гоноболь – первоначально табуистическое название с «эвфемистическими преобразованиями» [9, 1, с. 437]. Называя щавель **кислицей** / *Сходи в огород, кислицы сорви. Чер./* и **столбиком** / *В огороде и морковь растет и столбики. Баб./*, диалектоносители обращают внимание в первом случае на вкусовые качества растения, во втором – на его форму (качественный признак). Литературному слову **мокрица** в белозерском говоре соответствуют слова **плети́ха** / *Полола город, дак плети́хи-то не очень много, Чаг./* и **грязь** / *Весь огород зарос грязью. Уст./*. Мотивировочным признаком для первого слова служит качественный признак (способ произрастания, внешние признаки), для второго – реляционный, указывающий на сходство.

В группе «Названия кушаний» в состав синонимического ряда с общим значением «кушанье из ягод и воды» входят слова **загуста** и **ягодница**. Мотивировочным для них служит качественный признак, но в первом случае имеется в виду консистенция, густота пищи / *Летом загусту с клубникой едим. Баб./*, во втором – ее состав / *Залью ягоды водой, вот и ягодница. Кирил./*. Пирог с начинкой в белозерских говорах называют **защипник** / *Защипники-то особо с рыбой хорошо у меня получаются. Кад./* и **загибочник** / *Загибочников напеку, полакомиться. Чер./*. В основе номинации – качественный признак, способ приготовления (загибание краев, защипывание краев пирога). Небольшой пирожок, свитый из жгутиков твореного теста с маком, носители говора называют **витушкой** / *Витушки пекли с маком. Уст./* и **маковником** / *Маковник и есть витушка. Он же витой, полоской скручиваешь в круг. Бел.; Маковники румяные достаешь, мягкие, вкусные. Бел./*.

В тематической группе «Названия человека» синонимический ряд «полный/толстый человек» представлен следующими лексемами: **битюг**, **квашня**, **козень**, **кокора**, **колода**, **кувалда**, **мостина**, **мякаш**, **мянда**, **оборотень**, **отелепок**, **пышка**, **солоха**, **сыретина**. В основе номинации – качественный признак, актуализирующий сему «форма». Практически все представленные лексемы являются образными субстантивами, мотивировочный признак которых выражен ассоциативно. В частности, в этой группе можно выделить существительные с мотивировочным признаком, связанным с обозначением широких, объемных предметов (квашня, мостина, оборотень), с обозначением выпечных изделий (пышка), с обозначением представителей животного мира, имеющих крупную форму (отелепок), с обозначением реальных растительного мира (кокора, мянда). Мотивировочный признак у ряда слов может быть определен лишь с помощью этимологического анализа. **Мостиной** в белозерских говорах называют «полного, здорового человека». В предложении / *Этого-то мостину оглоблей не перешибешь, Чаг./* актуализируются семы «здоровый, крепкий». В говорах от-

мечено слово **мостина** – «большая плетеная корзина» [6, 3, с. 263]. Новое значение появилось на основе метафорического переноса: корзина должна быть прочной, крепкой.

Синонимы в диалекте возникают за счет использования разных словообразовательных

морфем. Среди однокорневых синонимов – имен существительных – наиболее распространенным является суффиксальный тип: **земляника** – **земляница**, **брусника** – **брусница**, **голубика** – **голубица**, **зеленец** – **зеленчак** (названия растений); **ветрина** – **ветрун**, **залив** – **заливень**, **дожжало** – **дожжака** (метеонимы); **загибник** – **загибочник**, **запеканка** – **запеканочник**, **маленик** – **малошка**, **рогулька** – **рогулина** – **рогушка** – **рогуля** (названия кушаний); **глухарь** – **глушня**; **горбач** – **горбун** – **горбатик**, **пригулок** – **пригулыш**, **говорун** – **говоруща** – **говорок**, **наряжуха** – **наряжонка** (названия человека). К префиксальным образованиям относятся: **заливень** – **уливень**, **прожора** – **обжора**, **поскребыш** – **заскребыш**. Т. А. Пецкая обращает внимание на тот факт, что в говорах «однокоренными синонимами мы называем не только слова с тождественной производящей основой, но и слова, составляющие первоначально словообразовательную пару – производящее и производное» [4, с. 127]. В белозерских говорах такие образования присутствуют: **зверобой** – **зверобойник**, **север** – **северин**, **тепель** – **ростепель**, **оде́жа** – **оде́жина**, **наряд** – **снаряд**, **краса** – **красючка**, **пентюх** – **опентюх**, **рёва** – **ревун** – **ревушка**. В анализируемых говорах встречаются и сложные слова, вступающие в синонимические отношения: **пустозвон** – **пустомол**.

Выводы.

Таким образом, анализ лексики различных тематических групп в белозерских говорах подтверждает тот факт, что синонимические отношения – достаточно актуальный тип парадигматических отношений в говорах. В белозерских говорах отмечены различные типы синонимов: семантические, эмоционально-экспрессивные, экспрессивно-семантические. Представленность их в разных тематических группах может быть различной: так, экспрессивно-семантические активны в ТГ «Название человека», семантические – в ТГ «Названия кушаний», «Названия явлений природы». Разнообразны источники синонимии в белозерских говорах. Возникновение синонимических рядов в результате иноязычных и инодиалектных заимствований объясняется историей Белозерского края. Самым же активным источником синонимии является лексическая система самого диалекта. Возникновение синонимов происходит либо в результате использования различных мотивировочных признаков при номинации, либо в результате использования разных средств номинации при одном мотивировочном признаке.

Литература

1. Блинова, О. И. Введение в современную региональную лексикологию / О. И. Блинова. – Томск, 1975.

2. Загоровская, О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии / О. В. Загоровская. – М., 1990.
3. Коготкова, Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова. – М., 1979.
4. Пецкая, Т. А. Синонимы и варианты слов / Т. А. Пецкая // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994. – СПб., 1996. – С.123–128.
5. Оссовецкий, И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. – М., 1982.
6. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд: в 6 вып. –1994–2005.
7. Словарь русского языка / гл. ред. А. П. Евгеньева: в 4 т. – М., 1981–1984.
8. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб., 1893–1903.

9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1964–1973.

10. Чайкина, Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья / Ю. И. Чайкина // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1975. – С. 3–188.

Принятые сокращения

Баб. – Бабаевский район
Бел. – Белозерский район
Вашк. – Вашкинский район
Выт. – Вытегорский район
Кад. – Кадуйский район
Кирил. – Кирилловский район
Уст. – Устюженский район
Чаг. – Чагодощенский район
Чер. – Череповецкий район
Шексн. – Шекснинский район

УДК 81'246.2

Г. Н. Чиришева, Ю. В. Кирьянова
Череповецкий государственный университет

ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ: ОДНОВРЕМЕННОЕ ИЛИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА ЧТЕНИЮ НА ДВУХ ЯЗЫКАХ?

В статье обобщается опыт ученых, исследовавших обучение детей раннего возраста чтению на двух языках; рассматривается вопрос об одновременном и последовательном обучении чтению на двух языках.

Детский билингвизм, чтение на двух языках, одновременное и последовательное формирование биграмотности.

The paper reviews the research literature on reading in two languages by young children; the authors focus on the problems of simultaneous and subsequent development of biliteracy (learning to read in two languages) in early childhood.

Childhood bilingualism, reading in two languages, simultaneous and subsequent biliteracy.

Введение.

У. Вейкум из университета Британской Колумбии утверждает, что вплоть до 8 месяцев младенцы только по одним визуальным признакам способны различать, на каком языке разговаривают взрослые. Дети, родившиеся в одноязычных семьях, теряют эту способность примерно к 6 месяцам, а дети, растущие в двуязычном окружении, – к 8-месячному возрасту [15]. Однако, если способность различать языки является врожденной, то формировать навыки чтения у детей в большинстве случаев следует целенаправленно. В некоторых научных исследованиях описываются случаи, когда дети раннего возраста научились читать самостоятельно без помощи взрослых, но они, вероятно, являются исключением из правила [5], [6], [7].

Т. Андерссон считает, что сензитивным периодом для начала обучения чтению детей (как на одном, так и на двух языках) является возраст от 1,5 до 3 лет [2, с. 7]. Как правило, в раннем возрасте «учителями» малыша становятся его родители или другие близкие родственники. Именно им приходится принимать все необходимые решения, связанные с обучением ре-

бенка чтению на двух языках. Один из первых вопросов, стоящих перед ними, можно сформулировать так: обучать ли ребенка чтению одновременно на двух языках или в определенной последовательности?

Цель данной работы состоит в том, чтобы попытаться ответить на данный вопрос, обобщив опыт ученых, исследовавших обучение детей раннего возраста чтению на двух языках.

Основная часть.

Б. Мэер считает, что обучать детей чтению на двух языках следует в определенной последовательности. При рассмотрении данного вопроса необходимо принимать во внимание количество знаков, которыми ребенку придется овладеть при обучении чтению на том или ином языке. В этом отношении транскрипции некоторых языков имеют явное преимущество над остальными при выборе «первоначального» языка. Еще более важным является соответствие между буквами и фонемами языка. В таких языках, как испанский и японский (имеется в виду хирагана), соответствие между буквой и звуком